

«Серебряный век» Екатерины

В достаточно «густой тени» екатерининских рублевиков уже более двух столетий находится весьма крупный комплекс других серебряных монет, отчеканенных при этой императрице. Казалось бы, они очень хорошо знакомы любому нумизмату, но, как показывают современные исследования, тщательно до сих пор никем не изучались.

Кроме рублевиков и полтин (о них хотелось бы все-таки поговорить отдельно) в период продолжительнейшего, в три с половиной десятилетия, царствования Екатерины II (1762–1796) в Москве и Санкт-Петербурге чеканили также полуполтинники, 20- и 15-копеечники и гривенники. Используя официальные источники, результаты своих исследований, а также некоторые наблюдения моих коллег, попробую воссоздать общую картину выпуска этих монет, отметив примечательные особенности и сопроводив их предварительными выводами. Хотелось бы дать по возможности полную информацию о комплексе разменных серебряных монет Екатерины II и обо всем, что тесно с ним связано. В этом стремлении меня отчасти убедило прочтение ставших классикой очерков видного российского дореволюционного исследователя нумизматики П.П. фон Винклера. Каждый из них он начинал с

освещения причин выпуска, производственных возможностей чеканки, изготовления монетного сплава и заканчивал описанием дизайна монет.

И по статусу, и по оформлению полуполтинники официально почти всегда относили к категории банковых монет; они имели сходный дизайн и одинаковую пробу с рублевиками и полтинами. Здесь же я намеренно и с немалым на то основанием рассматриваю полуполтинники заодно с 20- и 15-копеечниками и гривенниками, то есть номиналами из категории разменных монет. Все серебряные монеты Екатерины II, в том числе полуполтинник и все младшие номиналы, — 72-й золотниковой пробы, имеют одинаковый портрет императрицы (а изменения в нем на всех номиналах происходили, кроме 1783 года, одновременно). По нарицательной цене полуполтинник гораздо ближе к 20-копеечнику, а не полтине,

размер же их почти одинаков (илл. 1, 2, 3). Сходны и их тиражи, а вот тиражи полтин уступают их тиражам, по крайней мере, в несколько, а то и в десятки раз. Эти обстоятельства повлияли на одну из давних тенденций коллекционирования в России. Полтины как монеты, за небольшими исключениями, — гораздо более редкие, чем рублевники, эстетически им явно проигрывающие, но по рыночной цене зачастую их превосходящие, конечно же, всегда уступали этим рублевникам в популярности; чаще коллекционеры собирают полтины лишь по остаточному принципу. Полуполтинники же многие коллекционеры обычно собирают заодно с разменными монетами, поскольку цена их не слишком отличается от цен 20- и 15-копеечников. Однако знак минцмейстера под лапами гербового орла есть лишь у полуполтинника (так же, как у рублевника и полтины), да и рисунок орла у него иной, чем у разменных монет.

Думается, надо напомнить, хотя бы вкратце, какой была в Российской империи в начале 1760-х структура денежного обращения. В золоте — семь номиналов: 10- и 5-рублевники, двойные червонцы и червонцы, 2-рублевники, рубли и полтины. В серебре — три номинала банковской монеты: рублевники, полтины и полуполтинники и два номинала разменной монеты: гривенники и 5-копеечники. В меди — семь номиналов: 10-, 5-, 4- и 2-копеечники, копейки, денги и полушки. Очевидно, этот нежелательный разрыв между полуполтинником и гривенником и должны были заполнить впервые вводимые в 1764 году номиналы — 20- и 15-копеечники (илл. 4, 5). В итоге получалось немало — 21 номинал, что обеспечивало беспрепятственность финансовых операций любого масштаба и точность при мелочных расчетах. Надо заметить, что часть номиналов была представлена разными монетными типами, хотя к тому времени они практически все были унифицированы, тогда как совсем недавно, при Елизавете, портреты на рублевниках и полтинах, чеканившихся в старой и новой столицах, значительно различались.

Для сравнения приведу данные о количестве номиналов по некоторым предшествующим эпохам. При Елизавете было семь номиналов в золоте, пять — в серебре и пять — в меди, всего семнадцать номиналов. Ранее, при Анне было два номинала в золоте, четыре — в серебре, три — в меди, всего девять номиналов. Однако накануне петровской реформы (до начала машинной чеканки) было и того меньше — всего три номинала. Прежде всего — проволочная серебряная копейка, затем... нет, вовсе не серебряная денга и не серебряная полушка с их поистине символическими тиражами, а части этой копейки (1/2 и 1/3), так называемые «сеченые деньги». Россияне, постоянно страдавшие от разменного кризиса, ничтоже сумняшеся, резали и без того крохотные «чешуйки» на две, а то и на три части.

Итак, за 70 лет очень многое изменилось. Раздвинулись границы империи, увеличилась численность населения, развилась промышленность, многократно вырос денежный оборот, была проведена столь необходимая денежная реформа и, как результат, конечно же, расширился набор номиналов.

Напомним, Петербургский монетный двор при Екатерине II работал непрерывно. А Красный монетный двор, начав чеканку монет новой императрицы со вспомогательной перечеканки (1762–1763) рублевников и полтин Петра III, выпуск серебряной монеты в 1776 году прекратил. Причем в этом году чеканили штемпелями предыдущих лет, в основном, видимо, 1775 года. В соответствии с распределением производственных нагрузок между монетными дворами 20-копеечники и гривенники чеканили в обоих городах, а полуполтинники и 15-копеечники в Санкт-Петербурге начали чеканить, соответственно, с 1779 и 1778 годов, то есть лишь по окончании серебряной чеканки в Москве (илл. 6, 7).

Различие в весе между полуполтинником и 20-копеечником проявилось отнюдь не в уменьшении площади кружка 20-копеечника (более того, его диаметр обычно — 25–26 мм против 24 мм у полуполтинника), а в том, что его вырубали из более тонкой монетной полосы. Исследование разменных серебряных монет позволяет сделать предварительные выводы. Площадь кружков у полтин больше, чем у полуполтинников, но не ровно в два раза, а чуть меньше. Значит, монетные полосы, из которых вырубали кружки-заготовки для полуполтинников, были тоньше, чем те, из которых вырубали полтины. Если бы площадь полуполтинников была вдвое меньше, то они стали бы одной толщины с ними, но при этом у полуполтинников нарушилось бы веками выверенное монетчиками оптимальное соотношение диаметра и толщины. Далее. Площади монетных кружков у 20-, 15-копеечников и гривенников соотносятся, как показали проведенные мною замеры, примерно так — 1.00 : 0.72 : 0.55. Значит, гривенники тоньше 20-копеечников (что видно и «на глаз»), а вот 15-копеечники порой едва ли не толще (!?) последних.

Вырисовывается такая картина. При одинаковой пробе сплава уменьшение чистого серебра в монете было пропорционально уменьшению номинала. Однако, если бы монеты всех номиналов, от полуполтинника до гривенника, были одной толщины, то младшие номиналы имели бы кружки заметно меньшей площади и были бы не столь удобны в обращении: 20-копеечники — 17–18 мм вместо фактических 24–26 мм; 15-копеечники — 14–15 мм вместо 21–22 мм; гривенники — 12–13 мм вместо 17–18 мм. Поэтому и было решено чеканить младшие номиналы на более тонких кружках, сохраняя оптимальные пропорции диаметра и толщины.

Наконец, дизайн полуполтинника и гривенника был выбран с учетом традиций внешнего оформления этих номиналов, по крайней мере, начиная с 1739 и 1741 годов, соответственно (илл. 8, 9, 10, 11). А 20- и 15-копеечники появились впервые и, судя по дизайну оборотной стороны, их намеренно сделали так, чтобы они полностью отличались от полуполтинника и гривенника. Учитывая плохое знание цифири тогдашним российским населением, номиналы обозначили очень крупно — «20» или «15», а чтобы внимание малограмотных граждан при всей пестроте изображения на оборотной стороне монеты не рассеивалось, исключили и само название единицы исчисления номинала (слово «копеек»; да и нужно ли оно было малограмотным). Правда, в высшей степени предусмотрительно сопроводили появившиеся на монетах массового выпуска цифры номинала специальными счетными элементами для неграмотных (вокруг гербового орла). Достаточно крупные точки («бусинки») объединены в группы по пять штук: $5 \times 4 = 20$ (копеек) и $5 \times 3 = 15$ (копеек). Традиция дублирования номинала счетными элементами закладывалась, как мне кажется (впрочем, и некоторые другие так полагают), еще в 1711–1712 годах, когда на алтынниках и алтынах размещали по шесть трилистников (по числу составлявших алтын денег или полукопеек (илл. 12); в ту эпоху счет шел еще на алтыны-денги, а не на рубли-копейки). Разница лишь в том, что при Петре I номинал обозначали словом.

Как выясняется, общий дизайн и полуполтинника, и гривенника, не должен был меняться, а вот 20-копеечник и 15-копеечник надо было технически и эстетически втиснуть между ними, но разграничив их какими-то отличиями от первых, а также сохранив необходимый контраст двух этих новых номиналов между собой. Вместе с тем нельзя было 20-копеечник сделать по площади чуть меньше полуполтинника, а 15-копеечник — еще немного меньше, но притом все же больше гривенника. Постоянные ошибки во взаиморасчетах граждан, особенно малограмотных либо со слабым зрением, в этом случае были бы неизбежны и, постоянно множась, могли вызвать недовольство населения и спровоцировать определенную социальную напряженность.

Выход нашли в комплексном решении: 20-копеечник сделали диаметром даже чуть больше (!) полуполтинника, а 15-копеечник — меньше первого. При этом массы всех номиналов, конечно же, привели в соответствие с необходимой нормой за счет разной толщины их монетных кружков. Главным же было то, что оформление оборотной стороны 20- и 15-копеечников очень отличалось от оформления полуполтинников:

- 1) в щитке на груди орла вместо св. Георгия — весьма крупные цифры «20» (или «15»);
- 2) вокруг орла размещены четыре (или три) группы по пять счетных точек;

- 3) под орлом помещена лента с датой;
- 4) словесного обозначения номинала на этих номиналах нет;
- 5) хвостовое оперение гербового орла совсем иное;
- 6) под лапами у него нет знака минцмейстера.

Естественно, при проектировании и размеров, и внешнего оформления разменных монет Екатерины II надо было обязательно учесть, какие серебряные монеты достоинством ниже полтины на тот момент уже были в денежном обращении Российской империи: полуполтинники Анны 1739–1740 годов, Елизаветы 1743–1758 годов, ее же гривенники 1742–1757 годов и 5-копеечники 1755–1761 годов. Население, понятно, уже привыкло к размеру и к дизайну полуполтинника и гривенника, поэтому ни то, ни другое резко менять не следовало, ведь монеты, обращавшиеся уже по 20–25 лет, продолжали беспрепятственное хождение одновременно со вновь вводимыми.

Если сравнивать с монетами Елизаветы, то у полуполтинников Екатерины II кроме портрета сохранили все, даже рисунок хвостового оперения (по 1775). У гривенников же чуть-чуть «расчистили» нижнюю часть оборотной стороны, удалив и знак минцмейстера (как было до 1751), и крохотную декоративную деталь (илл. 13), походившую то ли на усобородую голову, то ли на морду барана, то ли на легучую мышь в полете (впрочем, возможно, это было и то, и другое, и третье — но на разных экземплярах).

Подчеркну, что незначительная разница в диаметре монетного кружка полуполтинника, 20- и 15-копеечника, даже если бы упор делали только на нее, все же была бы второстепенной. Ведь далеко не всегда, когда возникала такая необходимость в сравнении двух номиналов, у человека мог оказаться в наличии полуполтинник. А вот упомянутые шесть отличий или хотя бы первые три (главные) любой малограмотный запомнил бы. Чтобы наверняка определить, 15-копеечник это или 20-копеечник, ему просто надо было пересчитать «бусинки»: одна, две, три, ..пятнадцать, шестнадцать, ..двадцать.

Очевидно, многие россияне все-таки плохо усваивали цифири (парадоксальный, необъяснимый пока эффект): с эпохи Елизаветы обозначение номинала всегда, кроме «облачных» копеек 1755–1757 годов (но тогда других медных монет и не чеканили), обязательно сопровождалось счетными элементами.

Отмечу такие особенности монет исследуемого комплекса:

- 1) легенда у всех номиналов одинакова: Б·М·ЕКАТЕРИНА·II·ИМП · ICAMOD·ВСЕРОС(С). Встречаются экземпляры, у которых после САМОД вместо точки стоит двоеточие, либо после ВСЕРОСС стоит точка. С 1776 года перед САМОД, вместо «I» всегда ставят «И»;
- 2) буквы ПI (знак медальера Тимофея

Иванова) помещали на разных монетах: полуполтинниках ММД – с 1764 года, 20-копеечниках ММД – с 1764 года и СПб – с 1765 года, гривенниках ММД – с 1764 года и СПб – с 1766 года, а на 15-копеечниках не были обнаружены коллекционерами ни разу;

3) у части 15-копеечников 1774 и 1775 годов вместо обозначения монетного двора ММД обнаружено ДММ;

4) в 1776 году в Москве все номиналы чеканили (небольшим тиражом), используя штемпеля прежних лет, новые делать уже не стали;

5) у части 15-копеечников 1778 года аверс отчеканен лицевым штемпелем 20-копеечника (в легенде ВСЕРОСС вместо ВСЕРОС);

6) у части 20-копеечников 1778 и 1781 годов аверс отчеканен лицевым штемпелем 15-копеечника (в легенде ВСЕРОСС вместо ВСЕРОСС);

7) большая устойчивость всех подтипов;

8) портрет императрицы начиная с 1777 года двадцать лет был постоянным, тогда как на рублевике в 1783 году (илл. 14,15) его все же сменили (различия появились и на полтине, но совсем незначительные);

9) наклон шнуровидной насечки у всех номиналов одинаков: слева вверх направо (нельзя исключить возможности обнаружения какого-либо номинала с наклоном насечки и справа вверх налево; такой гурт имеет часть полуполтинников и гривенников Елизаветы, и гуртильные верейки еще могли сохраняться на монетных дворах);

10) для конца 1780-х годов характерно уменьшенное углубление изображения на штемпелях, поэтому портрет на монетах часто сильно затерт.

Некоторые нумизматы представляют также, что качество петербургских монет в целом выше московских, поскольку в столице монетчики тщательнее прорабатывали штемпеля. Другие же считают так: раз московских монет гораздо меньше, чем петербургских, то и в отличном состоянии их, разумеется, тоже меньше, чем аналогичных петербургских. Отсюда возникает ошибочное мнение, что качество московских монет в целом хуже.

Предлагаю обзор наиболее интересных либо малопонятных эпизодов в их хронологической последовательности. В соответствии со сменой монетных подтипов выделяются четыре этапа.

I. 1763. – Портрет императрицы – с кружевной лентой на шее. (Употреблявшийся до революции некоторыми каталогизаторами термин «фреза», механически унаследованный и нынеш-

ними собирателями, ошибочен.) В Санкт-Петербурге отчеканены пробные экземпляры новых номиналов – 20- и 15-копеечников, а также 5-копеечников. Рисунок хвостового оперения на 20-копеечнике (как и на пробных 20-копеечниках Елизаветы 1760 года и Петра III, 1762 года) особый, какого не было ни раньше, ни позже. Орел на 15-копеечнике (как и на пробных 15-копеечниках Елизаветы 1760 года и Петра III, 1762 года) отдаленно напоминает орла типа Гедлингера. Для чеканки 15-копеечника использован, с перебивкой последней цифры в дате, один из оборотных штемпелей, подготовленных в 1760 году для чеканки пробных 15-копеечников Елизаветы. Более столетия эта монета была не известна, и только в начале XX века, уже после публикации С.И.Чижова, введена в научный оборот.

В отличие от 20- и 15-копеечников, проект которых еще только тщательно прорабатывался, гривенники в 1763 году вполне могли бы и выпустить. Но крайней необходимости в этом не было, возможно, потому, что до весны 1763 года продолжали чеканить огромное количество медных 10-копеечников, в том числе в Санкт-Петербурге и Москве.

Младший из трех проектировавшихся номиналов (и единственный неутвержденный) – пятачок. Он имел почти тот же размер и тот же вес, что и при Елизавете (илл. 16), но несколько меньшую пробу (71-ю против 77-й). Однако было много и принципиальных отличий: цифровое обозначение номинала заменено словесным, нет счетных элементов (пяти звездочек) и вензеля императрицы, вместо одноглавого орла на облаках (в стиле барокко) – двуглавый гербовый орел. Дизайн стал логическим завершением начатого в 1762 году, при Петре III, поиска наилучшего внешнего оформления, причем признанный оптимальным вариант без вензеля и был повторен, с заменой последней цифры даты, в следующем, 1763 году. Интересно, что лицевая сторона этого варианта пятачка практически полностью повторяла лицевую сторону серебряного 2-копеечника (илл. 17), чеканившегося в Москве в 1756–1757 годах для прибалтийских провинций России.

Пробный пятачок остался единственной, если не считать потемкинского выпуска, серебряной монетой Екатерины II без ее портрета. Скорее всего, это объясняется большей трудностью изготовления штемпеля для чеканки монеты, имеющей столь малый кружок, а потому и нерентабельностью массовой чеканки младшего номинала. (Интересно, оказались ли меньшими удельные трудозатраты при многолетней крупнотиражной чеканке пятака медного?) Впрочем, здесь можно вспомнить, что портрет Екатерины II есть на монете даже меньшего, чем серебряный пятачок, размера – на золотой полтине 1777–1778 годов (всего лишь 0,65 г, илл. 18). Однако у золотой монеты нарицательная цена явно перекрывала сумму цены металла и расходов на чеканку.

Замечу, что в некоторых европейских странах в XVIII столетии портрет монарха появлялся на совсем маленьких серебряных монетах весом в полграмма (илл. 19). Это не предел: в Польше в XVII веке портрет короля был

и на самых младших медных номиналах — баратынках (тоже менее 1 г). Так что, очевидно, многое зависело от менталитета того или иного народа и традиций монетного производства в той или иной стране.

II. 1764—1766. Портрет императрицы — с кружевной лентой на шее. На петербургских монетах портрет с лентой был по 1765 год, а на московских (кроме рублевиков) — по 1766-й. Видимо, как это нередко бывает, изменение в портрете «шло» из столицы, а в других городах запаздывало.

После маломонетного этапа 1758—1763 годов, когда из всего мелкого серебра чеканили, по 1761-й, лишь пятак (да еще в 1758 — полуполтинники), весьма вероятной представлялась угроза разменного кризиса. Ее заранее предвидели и хотели предупредить: пробные 20- и 15-копеечники, как уже говорилось, проектировали регулярно. Кроме того, угрозу разменного кризиса в значительной мере нейтрализовывали многотиражной чеканкой медных пятаков, а также 10- и 4-копеечников. После шестилетнего перерыва тиражи разменных монет были невелики. По грубым прикидкам, 20-копеечников и гривенников вместе, отчеканенных в Санкт-Петербурге в 1764—1765 годах, приходилось всего лишь по одной монете на несколько десятков жителей западных, северо-западных и северных губерний России. А монет, отчеканенных в Москве, от полуполтинника до гривенника, — по одной монете на три—пять жителей центральных, южных и восточных губерний империи. И потому рассредоточение монет среди населения в эти годы, естественно, шло очень интенсивно.

В Санкт-Петербурге по 1765 год чеканили 20-копеечники и гривенники, а в Москве по 1766 год — все номиналы. На ранних московских гривенниках 1764—1766 годов нет обозначения монетного двора (илл. 20). Это можно понять лишь отчасти. Кстати, на ранних гривенниках Елизаветы свободного места под ее портретом для ММД было предостаточно, но ММД нет, а вот на оборотной стороне, несмотря на всю пестроту и, по-моему, даже перегруженность изображения, с 1751 года и вплоть до окончания выпуска этого номинала в 1757 году, знак минцмейстера все-таки был.

Множество монет, использованных населением для монист и других женских украшений (а также конской сбруи), оказалось с отверстиями либо с напайками. Какую-то часть монет люди тезаврировали и переплавляли, какую-то — вывезли за рубеж. В итоге об одних монетах этого краткого этапа, по крайней мере, нельзя сказать, что они часто встречаются, другие попадаются еще реже, а 20-копеечник и гривенник 1764 СПб, 15-копеечник и гривенник 1766 ММД на нумизматическом рынке почти не появляются. Видимо, подобная ситуация была и в 1743—1745 годах. Еще в 1719—1742 годах было лишь одиннадцать годовых выпусков гривенников, причем в половине эпизодов — очень скромных, и два совсем малотиражных годовых выпуска полуполтинников. Неудовлетворенный отложенный спрос населения на разменную монету вызвал ее рассредоточение, а потом и исчезновение из активного денежного обращения. Подобное произошло и после угасания чеканки в 1758—1763 годах.

Между тем в 1764 году, видимо, загодя подготовили немало штемпельных пар для чеканки гривенников, но так как выпуск их в намеченном объеме не состоялся, в 1765 году у нескольких штемпелей оборотной стороны цифру «4» перебили на «5». Вполне вероятно, что передатировка штемпелей 1764 года происходила и в 1766-м (этот вопрос должен быть дополнительно изучен).

Не исключено, что на московских гривенниках ММД не ставили, чтобы они больше походили на гривенники Елизаветы, тоже чеканившиеся в Москве, к которым население уже привыкло. При этом еще заметнее стало отличие гривенника от 20-копеечника и 15-копеечника, имевших обозначение монетного двора. В Санкт-Петербурге, однако, в отличие от московских гривенников, свое обозначение — СПб все же ставили. (Вообще в северной столице, с начала работы в ней монетных дворов, их обозначения почти всегда проставляли. А вот в Москве, где до 1737 года серебряную чеканку вели два монетных двора, их обозначений на монетах Петра I, Анны, Елизаветы зачастую нет.)

Слоение металла, вообще характерное для российского серебра XVIII столетия, конечно же, часто отмечается у монет 1764—1766 годов. При том, что слойки (небольшие частицы отслаивающегося металла) зачастую совпадают с портретом императрицы или с последними цифрами даты и досадно портят монету, они пока все еще служат надежным показателем подлинности конкретного экземпляра.

III. 1766—1776. Портрет императрицы — без кружевной ленты на шее (илл. 21, 22, 23, 24). Чеканка в Санкт-Петербурге (20-копеечники и гривенники) началась с 1766 года, в Москве — с 1767-го (все номиналы кроме рублевика). На московских гривенниках, диаметр кружков которых уменьшили с 20 до 18 мм, наконец появилось ММД (илл. 25), но знака минцмейстера так и нет (а вот на поздних гривенниках Елизаветы — как раз наоборот).

По данным московского коллекционера-исследователя Виктора Шугова, по меньшей мере часть петербургских гривенников в 1767 году чеканили передатированными штемпелями 1767/4.

Для последнего десятилетия серебряной чеканки в Москве характерно угасание деятельности знаменитого в

недавнем прошлом монетного двора. Не исключено, что это следствие войн с Турцией в 1768–1774 годах и с Польшей в 1768–1772 годах. Небольшой всплеск активности в работе предприятия пришелся на 1774–1776 годы, причем в 1776-м, как уже говорилось, все номиналы чеканили штемпелями с более ранней датой (видимо, 1775). Однако, если брать объем чеканки в целом, то за все правление Екатерины II тиражи и серебряных, и медных монет, видимо, были наименьшими в одном и том же 1774 году.

В Санкт-Петербурге 20-копеечники в 1775 году чеканили, возможно, штемпелями 1774-го. В 1776 году гривенники и 20-копеечники чеканили ограниченными тиражами, что явно подтверждают и нынешние показатели степени редкости. Среди 15-копеечников 1774 и 1775 годов обнаружены экземпляры с обозначением монетного двора ДММ вместо ММД; это объясняется элементарной ошибкой гравера, его рассеянностью, спешкой, утомлением, либо недостаточным освещением. (Этому эпизоду предшествовала похожая ошибка в 1730 году – тогда у части пятаков-крестовиков вместо МД было ДМ.) Такие промахи вполне объяснимы: сворачивая свою деятельность, Красный монетный двор, несомненно, невольно снижал и качество своей продукции.

IV. 1777–1796. Все номиналы – с поздним портретом императрицы (ей в тот период было от 48 до 68 лет) чеканят лишь в Санкт-Петербурге, с 1777–1779 по 1793–1796 год (начало и окончание чеканки разных номиналов немного не совпадало). В 1777 – 1779 годы полностью меняется портрет Екатерины II. В первый (и в последний) раз российская императрица изображена не только в короне, но и с лавровым венком (илл. 26). Можно лишь предположить, что появление лаврового венка – некий намек на недавние военные успехи и рост могущества и влияния Российской империи на мировой арене (до того императоров обычно изображали только с венками, императриц – только с коронами). Из всего мелкого серебра с датой 1777 известны лишь гривенники, и не исключено, что весьма ограниченное количество монет отчеканили единственной штемпельной парой, которую едва успели подготовить в конце года (астрономического 1777-го). А операционный год шел уже 1778-й, поэтому гривенники 1777 года не отражены в отчетах за 1777 год, но фактически с этой датой все же встречаются, хотя и чрезвычайно редко.

Предположительно, с началом чеканки в 1777 году монет с новым портретом императрицы возникали какие-то временные затруднения во всей технологической цепочке, связанные с изготовлением множества новых форм, маточников и штемпелей для всех номиналов. Прежде всего готовили инструментарий для чеканки рублевиков, а затем полтин. Поскольку на старших номиналах портрет императрицы был крупнее, требовалась более тщательная его проработка. Но ввиду важности номинала со всей этой работой справлялись своевременно, и рубле-

вики чеканили ежегодно. Подготовка же рабочего инструмента для чеканки разменных монет несколько отставала по срокам, поэтому в 1777 году были отчеканены только гривенники, в 1778-м – 20- и 15-копеечники, а в 1779-м, наконец, – полуполтинники. Для чеканки в 1777 году 20- и 15-копеечников не успели подготовить штемпеля, поэтому известны только фантастические новodelы обеих монет. Возможное тому объяснение: 20-копеечник 1775-го и гривенники 1777, 1780 и 1782 годов

очень малотиражны, возможно, из-за некоторого насыщения денежного рынка разменной серебряной монетой. По данным московского нумизмата Игоря Козлова, масса 15-копеечников 1782 года меньше нормативной примерно на полграмма. Экземпляр, любезно предоставленный для изучения представителем «Русского Нумизматического дома» Борисом Уэцким, действительно весит 3,0 г, то есть на 17% меньше нормы, диаметр его – 20 мм (илл. 27). Иными словами, вырубной штамп был немного меньшего диаметра, чем надо. Возможно, впрочем, что и сама монетная полоса была несоответствующей, то есть меньшей толщины. Не исключено, что 15-копеечники 1782 года, кроме малой части тиража, были пущены в переплавку.

Отмечу здесь единственное, увиденное мной, явное завышение показателя степени редкости: 15-копеечник 1792 года – безусловно, один из самых простых годов для этого номинала начиная с 1778 года по неясной причине несоответственно высоко отмечен и дореволюционными исследователями, и современными. Видимо, к 1793–1794 годам насыщение денежного рынка еще более увеличилось, поэтому в последние 2–3 года правления Екатерины II выпуск разменного серебра в целом, несомненно, сократился, – на фоне нарастающего печатания ассигнаций и увеличения эмиссии медной монеты уменьшились тиражи одних номиналов, прекратилась чеканка других. Есть еще одно обстоятельство, которое не следует упускать из виду. Многие нумизматы обращают внимание лишь на монеты в отличном состоянии: XF, XF-, VF+, а в «безвыходных» случаях – и на VF, но не ниже. Конечно же, монеты «редких годов» могут почти не встречаться в желательном для эстетов отличном состоянии, при этом монеты в худшем состоянии попросту ускользают от их внимания. В итоге реальная картина показателей степени редкости может оказаться еще более искаженной, отчего редкие монеты будут представляться еще более редкими. Одновременно возрастали и тезаврация серебряной монеты, и ее вывоз за рубеж. Неумеренный рост выпуска ассигнаций и медной монеты был неизбежным следствием того, что со второй половины 1780-х годов в государственном бюджете значительно увеличилась статья военных расходов. Анализ структуры выпуска различных номиналов в 1797–1809 годах и их тиражей подтверждает наличие такой тенденции.

Для Санкт-Петербурга 15-копеечник, по сути, стал совсем новым номиналом, ведь массовая его чеканка

вначале велась лишь в Москве. Все это, а также то, что у 20- и 15-копеечников общий дизайн и близки размеры кружков, привело вот к чему. В 1778 году у части 20-копеечников лицевую сторону (в легенде должно быть ВСЕРОСС) отчеканили штемпелем, предназначенным для чеканки аверса 15-копеечников (в легенде – ВСЕРОС). И наоборот: у части 15-копеечников аверс отчеканили штемпелем, предназначенным для чеканки аверса 20-копеечников.

Не исключено, что монетчики Петербургского двора, еще не знакомые с новым номиналом, допустили тут элементарную ошибку. Либо же попросту перепутали лицевые штемпеля двух соседних номиналов, оказавшиеся рядом в ящике с инструментами. Да и легко ли на небольших в общем-то штемпелях с заглубленным, негативным, зеркальным изображением заметить лишнюю букву «с» (либо ее отсутствие), при том, что по величине она не больше той, которая представлена на иллюстрации. Есть еще один вариант, но, по-моему, менее вероятный: осознанное использование обоих лицевых штемпелей для чеканки как 20-, так и 15-копеечников. Правда, тогда количество монет, для чеканки которых были использованы несоответствующие лицевые штемпеля, должно бы было быть примерно таким же, как и количество «правильных» монет, а этого нет. В 1781 году в похожей ситуации (у 20-копеечника лицевая сторона от 15-копеечника) были возможны и 2-й, и 3-й варианты. Впрочем, кто знает, не обнаружится ли и 15-копеечник 1781 года с лицевой стороной 20-копеечника?

Для полноты освещения последнего этапа – 1777–1796 годов – напомним, что в 1796 году в Санкт-Петербурге чеканили и медные 10-копеечники. Точнее, перчеканивали в 10-копеечники пятаки образца 1763 года и, видимо, образца 1758-го. Но эти 10-копеечники в обращении не были, за исключением очень немногих, попавших в обращение нелегально. Впрочем, и это еще не предел взаимозаменяемости монетных металлов при Екатерине II. Рублевики, хотя и для совершенно различного использования, вообще чеканили в трех (!) металлах: в золоте – в 1779 году (илл. 28), в серебре – с 1762 по 1796 год, в меди (пробные) – в 1770 году, а возможно, и в 1771-м (монета была предназначена не для обращения, а для хранения, осталась в истории нумизматики под названием «сестрорецкий рубль»).

Начать чеканку 15-копеечника планировали еще на

заре петровской реформы. Новый номинал должен был называться «пятиалтынным», в соответствии с тогдашней системой денежного счета. Однако при Екатерине II счет давно уже шел на рубли-копейки, поэтому не только не появилось когда-то намечавшееся обозначение номинала, но и счетные элементы были сгруппированы так (три раза по пять точек), что нет и малейшего намека на неявное присутствие алтына (илл. 29). А могли бы поместить и иную группировку – пять раз по три точки (то есть пять раз по алтыну). Возможно, единственной страной в мире, где еще был использован даже раньше, чем в России, номинал «15», стала Австрия: в 1747–1750 годах там чеканили серебряную портретную монету в 15 крейцеров. (Позднее номинал «15» практически не был использован в монетных системах других стран, разве что у некоторых сателлитов советской империи – Румынии, Монголии.)

По имеющимся данным, 20-копеечник, в отличие от 15-копеечника, был запроектирован только в 1760 году.

После воцарения Павел I сразу отменил многое из того, что было при его матери. В частности, не стали возобновлять чеканку 20- и 15-копеечников, приостановленную еще в 1793–1794 годах, а полностью повторили состав серебряных номиналов, что был при Елизавете (илл. 30, 31, 32).

Восстановили 20-копеечник в 1810 году, 15-копеечник – в 1832-м, в составе русско-польской серии, а окончательно – в 1860 году. Правда, и оба эти номинала, и беспрерывно чеканившийся гривенник были после Екатерины II уже беспортретными, впрочем, как и банковые монеты. На полуполтинники портрет возвратили только при Александре III, в 1886 году (илл. 33, 34, 35, 36).

Номиналы, впервые введенные при Екатерине II, хорошо закрепились в народе: 15-копеечник, после прекращения русско-польской серии 1832–1841 годов, чеканили с 1860 по 1917 год, а 20-копеечник – в 1810–1891, 1899–1917 годах. Оба номинала выпускали с небольшими перерывами и в советскую эпоху с 1921 по 1991 год. Диаметры монетных кружков с 1810 (1832) года традиционно сохраняли почти неизменными.

Титулатура, окружавшая портрет императрицы, у всех номиналов одинакова по составу, а вот места, необходимого для ее размещения, по мере уменьшения номинала недоставало все больше. Поэтому не только у многих гривенников, но и у 15-копеечников с поздним портретом Екатерины II внешний край букв в легенде не попадал

на монету, поскольку полная рабочая поверхность штемпеля оказывалась чуть больше фактической площади монетной заготовки. Из-за нехватки места последнюю букву «С» в сокращении ВСЕРОСС приходилось иногда набивать литерным пуансоном уже на край изображения драпировки императрицы (илл. 37). (Вначале на штемпель с маточника переводили портретное изображение, а затем надпись вручную выбивали пуансонами.) Монеты с такими особенностями — не более чем штемпельные разновидности.

Когда говорят «резал штемпель Тимофей Иванов», это понимают так: во-первых, медальер вырезал изображение не на штемпеле, а на форме (вглубь), затем изображение с нее переводили на маточник, а уже с маточника делали такое количество штемпелей, какое было необходимо для запланированного тиража данного номинала. (Конечно, медальеры резали непосредственно и штемпеля, правда, в основном до конца 1730-х.) У одних монет в обресе рукава одежды императрицы есть знак гравера ТИ, у других — нет, что, однако, вовсе не значит (и это — во-вторых), что монеты с ТИ произошли от штемпелей (форм), сделанных лично Т. Ивановым, а без ТИ — от штемпелей (форм), сделанных штатными копиистами монетных дворов. Почти наверняка причина намного проще: знак ТИ не ставили либо из-за того, что это было необязательно, либо в силу человеческой забывчивости.

На оборотной стороне полуполтинников размещен герб, а на оборотной стороне 20- и 15-копеечников — гербовидное изображение: на груди двуглавого орла не щиток с изображением св. Георгия, а картуш с цифрами номинала. В 1764–1776 годах у полуполтинников гербовый орел типичен для начала 1740-х, а у 20- и 15-копеечников — орел типа Дасье. После 1776 года на монеты всех номиналов был возвращен орел типа Геддингера.

У всех номиналов серебряных монет, в соответствии с Именным указом от 30 марта 1764 года, была 72-я золотниковая проба. И их нормативная масса, соответственно, уменьшается почти пропорционально уменьшению номинала. Но именно «почти», а не «точно», ведь из одного фунта серебра 15-копеечников и гривенников получалось на большую сумму (17 руб. 25 40/96 коп.), чем полуполтинников и 20-копеечников (17 руб. 15 40/96 коп.). Соответственно, требовалось и больше трудозатрат на чеканку первых (то есть на чеканку большего количества монет). Если в первые десятилетия XVIII века для оплаты выпуска мелких номиналов предусматривались задельные деньги, которые изыскивались за счет уменьшения веса мелких номиналов, то при Екатерине II сэкономленные при таком уменьшении веса деньги увеличивали прибыль казне.

Нормативную массу монет в эпоху Екатерины II точно соблюдать не удавалось. И отклонения от нее у всех номиналов весьма велики. Мне удалось исследовать группу монет всех номиналов (и всех подтипов), отчеканенных на обоих дворах. Ввиду отличной сохранности экземпляров из тщательно подбиравшейся типовой коллекции, очень мало обращавшихся и потому сохранивших массу, результаты исследования заслуживают, на мой взгляд, серьезного внимания. У полуполтинников (при нормативной массе 5,97 г) фактичес-

кая масса составляла от 5,0 до 6,4 г, то есть изменялась от недостатка в 16% до избытка в 7%. У 20-копеечников (4,77 г) разброс составлял от 3,9 до 5,0 г, то есть от –18% до +5%. У 15-копеечников (3,56 г) разброс — от 2,9 до 3,8 г, то есть от –18,5% до +7%. У гривенников (2,37 г) — от 2,15 до 2,5 г, то есть от –9% до +5,5%. Такие величины отклонений наводят на мысль, что контроль за регулировкой зазора между прокатными валками на обоих монетных дворах зачастую был явно неудовлетворительным, поэтому после прокатки монетные полосы

получались несоответствующей толщины, а следовательно, и вырубленные из них кружки-заготовки, и сами монеты были тоньше или толще. Однако недобросовестным служащим монетных дворов вряд ли удавались злоупотребления. Ведь монетки отчитывались перед руководством не просто расчетной суммой отчеканенных монет, но и весом отпущенного им серебра и серебра, представленного ими по завершении чеканки (с учетом утара). Поскольку для проверки веса серебряных монет взвешивали не отдельные экземпляры, а целые партии, то с ведома руководства монетного двора (а значит, полулегально) некоторую их часть чеканили на заготовках, вырубленных из более тонких полос. Их добавляли в состав контрольной партии, тем самым монетки компенсировали превышение веса, если таковое получалось. И наоборот, при необходимости добавляли утяжеленные экземпляры. Мало того, это дополнительная операция, так она еще и ответственная, и хлопотная. Для обязательного регулирования общей массы контрольных партий использовали монеты всех номиналов. Несомненно, в качестве облегченных экземпляров удобнее всего было использовать гривенники, у которых отклонение от стандартной толщины и массы, по меньшей мере, не так было заметно тем, кто становился их владельцами.

Следствия для коллекционеров: 1) монеты нестандартной массы (даже если у них нет слоения металла) — совсем не обязательно подделки; 2) составляя коллекцию по типам, каждый при желании может выбрать экземпляры «подобротней» (то есть поувесистей). Практически, соответствующую норму массу имели лишь золотые монеты, которые, в отличие от серебряных, всегда взвешивали поштучно.

Некоторые достаточно интересные виды брака возникали из-за нарушений технологии выпуска, обусловленных влиянием человеческого фактора. Пример: для чеканки 20-копеечника хотя и использованы соответствующие штемпеля, но ошибочно взята монетная заготовка, предназначенная для чеканки 15-копеечника, следовательно, рабочая поверхность штемпеля оказалась больше площади заготовки, поэтому внешние края круговой легенды попросту не попали на монетный кружок.

Среди полуполтинников, 20- и 15-копеечников 1778–1794 годов есть немало экземпляров, у которых, несмотря на длительное обращение, портрет императрицы достаточно хорошо сохранился. Свое объяснение этому предлагает В.В.Уздеников. Поскольку при интенсивной работе штемпеля мелкие детали на нем изнашивались, в том числе и буквы легенды, то, для того чтобы продлить его работу, делали отпуск штемпеля. Затем зачищали кольцевую полосу по краю его рабочей поверхности и заново набива-

ли вглубь литерным пуансоном буквы круговой легенды. При этом уровень поверхности в краевой кольцевой зоне на штемпеле несколько понижался, а на монете, соответственно, повышался. Поэтому рельеф портретного изображения, находясь как бы в нише, окруженной приподнятыми краями, с круговой легендой, частично был защищен от истирания. У гривенников 1777–1796 годов такая особенность почти не отмечается (илл. 38). (Вспомним также, насколько сильно обычно бывают затерты рублевики 1783–1796 годов, у которых немного выгнута поверхность лицевой стороны, а рельеф портрета — низкий.)

Фальшивки, предназначенные для ввода в обращение, ныне встречаются не часто. Этот интересный вопрос пока мало освещен.

Новоделы, известные на сегодня, имитируют лишь петербургские монеты всех номиналов. Полуполтинники имеют новоделы за все годы, включая фантастический новодел 1777 года. Новоделы 20-копеечников есть не за все годы, среди них фантастических новоделов побольше — 1777, 1782, 1794–1796 годов. Примерно то же и у 15-копеечников — фантастические новоделы 1777, 1780 и 1782 годов. У гривенников фантастические новоделы 1781 и 1782 годов (портрет императрицы с кружевной лентой).

Судя по регулярным выбросам на нумизматический рынок, поисковики с металлоискателями время от времени где-то находят клады, представленные 20- и 15-копеечниками, в меньшей степени — гривенниками. По косвенным данным, в кладах чаще бывает по 300–400 монет. В 2006 году отмечен выброс на нумизматический рынок довольно большого количества полуполтинников, что свидетельствует о находке клада, состоящего, возможно, только или преимущественно из полуполтинников. Это едва ли не первый клад такого номинала, о котором я могу с достаточной уверенностью судить по косвенным данным (если только мои наблюдения меня не подводят). Кстати сказать, полуполтинники на европейских аукционах предлагаются чаще, чем на российских, причем в состоянии вплоть до EF+. Предлагались и сеты из нескольких полуполтинников разных годов. Надо сказать, что немало находок и у тех, кто занимается чердачной археологией.

Массив разменных серебряных монет Екатерины II традиционно находится до сих пор, как говорится, на периферии внимания коллекционеров российских монет императорского периода. Я объясняю это так. Как минимум до середины правления Александра I монеты Екатерины II имели широкое хождение на всей территории Российской империи, за исключением, возможно, некоторых национальных окраин. В отличие от Павла, у которого отношения с Екатериной II были трудными, Александр всегда был для нее желанным внуком, и, конечно, когда ему достался трон, и речи не могло идти о безотлагательном и строгом изъятии из обращения монет с портретом любимой бабки. Судя по составу кладов и степени износа, в глубинке монеты Екатерины II ходили до конца XIX столетия или, по крайней мере, участвовали в расчетах между частными лицами. Впрочем, истертые монеты, поступавшие в казну, постепенно изымались, а оставшиеся в обороте использовались, если взять середину 1810-х, уже от двадцати до пятидесяти лет, в зависимости от года чеканки.

Предварительные выводы. С начала XIX столетия в структуре денежного обращения Российской империи

среди прочих отмечались такие, одновременно происходившие процессы и явления:

1) очень истертые монеты изымались казной из обращения для переплавки;

2) постепенно увеличивался износ монет, продолжавших обращение;

3) изымались из обращения ремесленниками и мастерами Поволжья и Прикамья монеты хорошего качества для изготовления из них монист;

4) эпизодически изымались населением из обращения монеты для различного утилитарного использования (кроме ювелиров, которые для своих изделий не использовали 72-ю пробу серебряного сплава как слишком низкую);

5) изымались коллекционерами из обращения отдельные монеты отличной сохранности;

6) много обращавшихся монет вывозили воинские чины российской армии, непрерывно участвовавшей в больших и малых войнах и военных конфликтах на недавно присоединенных к империи территориях, а также за рубежом (Венгрия, Болгария, Иран, Китай, Корея и др.).

И все же, думается, что отечественные собиратели монет в 1820-х, 1830-х и 1840-х годах при составлении коллекций-погодок не испытывали особых трудностей, разве что при поиске полудюжины наиболее редких экземпляров этого комплекса (всего в нем 129 разных монет, не считая пробных). Вообще же в середине и во второй половине XIX столетия развитие коллекционирования в России шло в разных направлениях. Очень популярным стало увлечение античными монетами и монетами арабского Средневековья, проволочными монетами русского Средневековья — всего того, что несло отпечаток «седой старины», интриговало тайной и требовало дополнительных усилий для ее раскрытия. Монеты же недавно завершившегося многолетнего правления, легкодоступные, «намозолившие глаза», а тем более «такие простые» по дизайну, унифицированные, подобного интереса, конечно, вызывать не могли. Пример на сопоставление: ну, какой, скажите, особый интерес представляет для нас, уже столь искушенных ныне, в начале XXI столетия, серебряная мелочь Николая II, да и вообще всего периода 1867 – 1917 годов?

До 1917 года ситуация в целом примерно такой же и оставалась. Затем в течение более чем полувека, судя по всему, мало кто из собирателей всерьез интересовался этим периодом российской нумизматики. Монет было вроде немало, однако, как показывает практика, все же не вполне достаточно, чтобы, один за другим «закрывая годы и дворы», успешно завершить планомерный подбор по всем номиналам длительного правления. Значительную часть советского периода любительская нумизматика была полулегальной, а у большинства коллекционеров хронически не хватало средств для успешного продолжения любимого увлечения.

Целесообразно сравнить некоторые наиболее крупные комплексы российских серебряных монет младших номиналов, за исключением пробных, с учетом числа разных монетных типов и подтипов, входящих в каждый комплекс. В данном контексте под комплексом следует понимать ту группу монет, которыми нумизмат стремится

укомплектовать свою коллекцию, и собирает ее по типам и подтипам, с учетом чеканки на разных монетных дворах:

- Петр I – более 40 монет 1701–1723 годов,
- Елизавета – 6 монет 1742–1761 годов,
- Екатерина II – 16 монет 1764–1796 годов,
- Александр I – 10 монет 1802–1825 годов,
- Николай I – 22 монеты 1826–1855 годов,
- Александр II – 22 монеты 1855–1881 годов.

В XIX столетии комплексы монет Николая I и Александра II количественно превосходили комплексы монет Екатерины II; в целом они гораздо обильнее его по числу доступных исследованию экземпляров, поэтому за исключением некоторых, обусловленных информационными пробелами, небольших групп монет, изучены лучше. Наиболее интересен сопоставительный анализ разменных серебряных монет Екатерины II и Петра I (последние освещены мною год назад в статье «В тени петровских рублевиков». «Антиквариат», № 30, 2005). Два крупнейших комплекса серебряных монет связаны с самыми продолжительными царствованиями в XVIII столетии и с двумя крупнейшими личностями российской истории – Петром Великим и Екатериной Великой.

При сравнении комплексов не забудем, что петровские монеты старше екатерининских в среднем на 60–80 лет – что не так уж и мало. Это первые российские серебряные монеты массовой чеканки, не считая рублевика и полуполтины Алексея Михайловича 1654 года, они весьма «экзотичны», еще не унифицированы, дизайн каждый год менялся, отсюда и обилие подтипов. Происходил поиск и наиболее удобных значений номиналов, и стандартного их набора. Да, екатерининские монеты, как правило, лучшего качества, дизайн в целом несколько предпочтительнее (поскольку есть портрет), но зато вариантов (подтипов) – меньше.

Возможно, некоторое «преимущество» – у петровских монет. Однако примем во внимание и традиционную популярность личности Петра I, и всегдашний повышенный интерес ко всему, связанному с его именем, и, далеко не в последнюю очередь, нескрываемую любовь нумизматов к петровским монетам. Редкость большинства из них (тиражи были невелики, целенаправленное изъятие казной началось еще при Анне) только распаляет интерес коллекционеров, которые к тому же постоянно должны остерегаться новоделов, утонченных подделок, а также наличия одного-двух заделанных и замаскированных отверстий либо других элементов реставрации. Для выработки оптимального суждения о соотношении популярностей двух комплексов будем помнить, во-первых, о некоторой мифологизации Петра I, во-вторых, о том, что Екатерина II добилась очень многого, будучи женщиной, иностранкой, вначале даже не владевшей русским языком.

Чтобы понять, какой популярностью у коллекционеров на самом деле пользуется мелкое серебро Екатерины II, надо полистать каталоги-аукционники за последние 15–17 лет, как отечественные, так и зарубежные. Совершенно очевидно «засилие» на аукционах золотых и платиновых монет и рублевиков, а также полтин, петровской меди, пятаков Екатерины II и сибирских монет. Принесет ли иные результаты информация интернет-аукционов, дающих «срез» и по другим слоям собирательской среды?

Напомню читателю, какой шкалой для оценки степе-

ни редкости монет пользовались и пользуются разные исследователи.

	Гиль, Ильин, Уздеников	Северин	Биткин и др.	Словесное обозначение
Условные символы	•	•	R	необычна
	—	—	R1	редка
	÷	÷	R2	очень редка
	÷	÷	R3	чрезвычайно редка
	!!	÷	R4	существует в нескольких экземплярах, возможно, в единственном

Надо хорошо себе представлять, каковы были причины возникновения и сохранения в дальнейшем той ситуации, когда показатели степени редкости не совсем или совсем не соответствуют фактическому положению. Вынужден повторить то, о чем я уже писал в статье «Скрытые редкости российских монет» (журнал «Антиквариат», № 37, 2006): «До революции коллекционеров было немного, поэтому и монет почти любого типа обычно хватало... практически всем. Показатели степеней редкости были невысокими и нынешним нашим представлениям соответствовали мало. Если тогда на антикварном нумизматическом рынке в крупнейших городах России монет какого-то типа и года оказывалось хотя бы на несколько экземпляров больше, чем активных коллекционеров, то их реализация затруднялась, следовательно, и показатель степени редкости высоким не был. Особое внимание уделяли лишь тем монетам, которые были известны в немногих либо единичных экземплярах».

С конца XIX столетия число коллекционеров стало увеличиваться быстрее, акценты менялись, назревал неизбежный пересмотр картины степеней редкости российских монет. Но с 1914 и до конца 1980-х годов это невозможно было воплотить в реальность.

Готовя последнее издание каталога «Монеты России. 1700–1917», В.В.Уздеников опирался, в дополнение к своему опыту, на лучшие дореволюционные стандартные каталоги (очень мало дифференцировавшие по степени редкости мелкое серебро Екатерины II) и собрание ГИМа, где, видимо, подавляющее большинство монет есть в одном, а то и в нескольких экземплярах. Поэтому автору каталога вряд ли удалось детально уточнить степени редкости. Фактически и такой крупный исследователь, как В.В. Биткин, смог дифференцированно подойти лишь к части комплекса мелких серебряных монет Екатерины II. Хотя он уверенно выделил несколько несомненных редкостей и многие новоделы, включая фантастические, ему мало удалось разделить по редкости ранние московские 15-копеечники и гривенники, а также монеты с поздним портретом императрицы. К зарубежным же каталогизаторам российских монет, тем более у отечественных нумизматов, не может быть особых претензий.

На рубеже XX и XXI веков положение, на мой взгляд, таково. Многие из тех отечественных нумизматов, кому сейчас от 60 до 80, либо уже завершили, либо завершают активное коллекционирование и потому уже не хотят (или не могут) проводить исследования и делать какие-то серьезные выводы. (Среди немногих приятных исключений – В.В.Уздеников, В.В.Казаков, за рубежом – Р.В.Джулиан.) Подавляющее же

большинство из тех, кому от 20 до 40, явно не очень стремятся к этому (а те, кто стремится, увы, еще не набрали достаточно информации для обоснования своих выводов). Промежуточная возрастная категория — нумизматы от 40 до 60, достаточно активные и уже много знающие, — то есть именно те, кто мог бы выполнять такую полезную работу. Но эти люди по ряду причин делают на ниве отечественной нумизматики намного меньше, чем могли бы. Ну что ж, здесь уже каждый сам решает, каким должен быть его личный вклад.

Итак, совершенно очевидно, что дать сбалансированную оценку степени редкости монет, и то — с оговорками, смог бы только тот, кто или сам долгое время целенаправленно собирал монеты этого периода по годам, или помогал подбирать коллекции-погодówki своим коллегам, постоянно отслеживая ситуацию по аукционам и Интернету. Естественно, в отношении оценки степеней редкости существуют как традиционные несоответствия-анахронизмы, так и сложившееся «усредненное» мнение нынешнего сообщества коллекционеров. Но есть, конечно, и полное право на индивидуальное, частное мнение нумизмата-профессионала.

Я уже неоднократно писал, что получить истинную картину распределения степеней редкости очень бы помогло составление базы данных. Но, конечно, ни нумизматические общества, ни организации, по разным причинам, этим не станут заниматься. У некоторых же частных лиц, заинтересованных в ее составлении, такие данные, в принципе, могут постепенно накапливаться. Однако многие ли захотят поделиться своими открытиями с коллегами, которые зачастую являются и конкурентами? Ведь есть понятия профессиональной и коммерческой тайны, которые никто еще пока не отменял.

Цена монеты очень подвижна и неустойчива, поэтому у таблицы цен всегда очень ограниченная годность. Тем не менее радикальные изменения, основанные на индивидуальных разработках, скорее всего могут вызвать настоящий шок у коллег. И все же я рискну предложить для всех монет не только уточненные показатели степени редкости (по 5-балльной шкале), но и значения цен.

В статье о скрытых редкостях я предложил шкалу степеней редкости монет, в которую сейчас вношу необходимые, на мой взгляд, изменения, и теперь она выглядит так:

(R нет) — монета, которая всегда есть в предложении на собрании коллекционеров любого уровня (фактически, это R0, то есть она совсем не редка);

R1 — поиск монеты на московском нумизматическом рынке может занять до двух-трех месяцев;

R2 — для поиска монеты на российском нумизматическом рынке требуется срок до одного года;

R3 — поиск монеты на российском и зарубежном нумизматических рынках может занять до двух-трех лет;

R4 — монета появляется на мировом нумизматическом рынке один раз в десятки лет;

R5 — монета существует в нескольких экземплярах, возможно, в единственном.

С использованием этих показателей построена таблица.

Поскольку у меня нет полной базы данных по исследуемому массиву, я в немногих случаях делаю определенные допуски: «+» и «-». Если рядом с цифровым показателем стоит знак «+» (или «-»), то это означает, что вполне допустимо повышение (или понижение) степени редкости на

полбалла. Если рядом окажутся сразу и «-», и «+», то это значит, что определенности по данной монете еще меньше, и суммарный допуск при оценке для нее показателя степени редкости составляет один целый балл (например, R7 означает фактически интервал от R2,5 до R3,5).

Значения цен приведены в таблице, во-первых, для монет в состоянии XF или XF — (для некоторых монет требования к состоянию не могут быть столь же высокими, поэтому оценки даны мной для состояния VF+ и VF, эти монеты отмечены звездочками*); во-вторых, даны прежде всего для московского и несколько меньше для петербургского регионов; в-третьих, могут достаточно хорошо соответствовать реальности лишь в течение 3–5 месяцев.

Упреждая неудовольствие коллег в будущем, хочу высказать одно соображение. Не исключено, что спустя некоторое время после появления этой публикации на российском нумизматическом рынке несколько увеличится предложение монет, имеющих показатели степени редкости R1 и R2, а то и R3. И вот по какой причине. Появление таблицы цен и показателей степени редкости (а ее можно рассматривать как особый вид рекламы нумизматических объектов) наверняка активизирует у какой-то части коллекционеров поиск некоторых монет, что, вполне возможно, приведет к обнаружению отдельных экземпляров как среди дублетов у своих коллег и на прилавках нумизматических магазинов (в частности, за рубежом, где, несомненно, нет ценового беспредела, характерного пока для российского нумизматического рынка), так и в собственных собраниях. Нельзя исключить и такого момента, когда желание выручить неплохие деньги подтолкнет кого-то расстаться с экземплярами из своей коллекции. И если недолговременный выброс на нумизматический рынок группы достаточно редких монет произойдет, то это все еще не основание для резкой критики предлагаемых здесь показателей и цен.

Необходимо упомянуть также два весьма различных монетных комплекса: первый — это таврические монеты 1787 года, второй — серебряные новоделы сибирских монет с датой «1764». Следует очень четко представлять те структурные ниши, которые занимает каждый из них внутри всего комплекса монет Екатерины II.

Таврические монеты — особый, областной специальный выпуск, осуществленный по инициативе Светлейшего князя Таврического Григория Потемкина и приуроченный к посещению Крыма императрицей Екатериной II. И внешнее оформление монет (отсутствие портрета!), и качество штемпелей, и другие особенности, безусловно, подтверждают тот факт, что таврические монеты были продукцией периферийного, Феодосийского монетного двора. Серия состоит из четырех номиналов в серебре: 20, 10, 5 и 2 копейки (илл. 39, 40, 41, 42; эти редчайшие монеты предоставил для исследования московский коллекционер Виктор Газанчидис). Лицевая сторона: вензель Е II, вокруг надпись: ЦАРИЦА ХЕРСОНИСА ТАВРИЧЕСКАГО. 1787. Обратная сторона: 20 (10, 5 или 2), вокруг — счетные элементы (точки) для неграмотных, Т.М. Все номиналы отчеканены из серебряного сплава одной пробы, более низкой, чем у сплава, из которого отчеканены монеты общегосударственного образца, при этом, соответственно, первые — заметно большего размера и имеют больший вес, чем последние. Наличие на них счетных точек предполагает, что после их бросания в на-

	Полуполтинник		20 копеек		15 копеек		Гривенник		5 копеек
	СПБ	ММД	СПБ	ММД	СПБ	ММД	СПБ	(ММД), ММД	СПБ
1763	–	–	R5	–	R5	–	–	–	R5
1764	–	500	R3 1500	R1 600	–	R1 500	R3 1000	R2 500*	–
1765	–	500	R2 1000	R1 600	–	R1 500	R2 600	R2 500*	–
1766	–	R1 600	500	R1 600	–	R3+ 1000*	R1 400	R3+ 800*	–
1767	–	500	R2+ 1000	R2+ 1000	–	R1 500	R1 400	R2 600	–
1768	–	500	R2- 900	R2+ 1000	–	R2+ 800	300	R3- 1000	–
1769	–	500	500	R2 1000	–	R1- 500	300	R1 400	–
1770	–	500	500	R2 1000	–	R1 500	300	R1 400	–
1771	–	–	500	–	–	R1 500	300	R1 400	–
1772	–	–	R1+ 600	–	–	–	R1 400	–	–
1773	–	–	R2+ 1000	–	–	–	R2 600	–	–
1774	–	R3 1400*	R3- 1300*	–	–	R2- 700	R1 400	R2 600	–
1775	–	R2 1000*	R3 1100*	R3 1100*	–	R2 800	R3- 900*	R3 900*	–
1776	–	–	R3- 1200*	–	–	–	R4 5000*	–	–
1777	–	–	–	–	–	–	R4 5000*	–	–
1778	–	–	R2- 900	–	400	–	R1 400	–	–
1779	R1 600	–	R2 1000	–	400	–	R1 400	–	–
1780	–	–	–	–	–	–	R4 5000	–	–
1781	R2 1000	–	R1 600	–	R1 500	–	R2 600	–	–
1782	–	–	–	–	R4 5000	–	R4 5000	–	–
1783	R2 1000	–	500	–	400	–	300	–	–
1784	R1 600	–	500	–	400	–	300	–	–
1785	500	–	600	–	400	–	300	–	–
1786	R2 1000	–	R2- 900	–	R3 1200	–	R3 900*	–	–
1787	R1 600	–	R1 400	–	400	–	R1 400	–	–
1788	R2 1000	–	R2 1000	–	R3 1200*	–	R3 900*	–	–
1789	R3 1400*	–	R3 1300*	–	R3 1100*	–	R2 600	–	–
1790	R1 600	–	R2 900*	–	R3 1100*	–	R2 600	–	–
1791	R2 1000	–	R2- 800*	–	R2+ 800*	–	R2 600	–	–
1792	R2 1000	–	R3 1400*	–	400	–	R2 600	–	–
1793	R2 1000	–	R3+ 1500*	–	R3- 1000*	–	R2 600	–	–
1794	R1 600	–	–	–	R3+ 1200*	–	R2 600	–	–
1795	R2 1000	–	–	–	–	–	R3- 900	–	–
1796	R1+ 800	–	–	–	–	–	R2 600	–	–

род императрицей и ее свитой таврические монеты могли реально участвовать в местном денежном обращении новоприобретенной области. Действительно, старшие номиналы, особенно 20-копеечники, часто несут следы пребывания в обращении. (Есть версия, что таврические монеты использовали как игральные жетоны прежде всего во дворце.) Потемкинские монеты изучали И.Г.Спаский, Р.Зандер и В.В.Уздеников, который дал наиболее развернутую их характеристику и воссоздал обстановку их выпуска в целом (см. «Монеты России XVIII – начала XX в. Очерки по нумизматике». – М., 2004).

Серебряные новоделы сибирских монет представляют собой совершенно фантастические нумизматические объекты, не имеющие оригинальных прообразов. Они являются результатом выполнения монетчиками Петербургского монетного двора индивидуальных заявок некоторых тогдашних собирателей. Только лицевая сторона этих новоделов отчеканена штемпелями, предназначавшимися для лицевой стороны подлинных 20- и 15-копеечников и гривенников. У оборотной стороны – фантастический дизайн. Фантастично также само сочетание подлинного и вымышленного штемпелей и использование серебра в качестве основного металла для чеканки сибирских монет. Серебряные новоделы сибирских монет придумали и создали для собирателей, а отнюдь не для обращения. Это псевдомонеты. Ни подлинными монетами (оригиналами), ни пробными их назвать нельзя: это совершенно не соответствует очевидным фактам, а значит, и самой истине. Из всех известных серебряных монет и монетовидных объектов Екатерины II сибирские серебряные новоделы находятся, видимо, в самом низу ценностной классификационной шкалы. Ниже я бы расположил лишь современные подделки екатеринских монет (среди них, правда, есть и весьма точные имитации, представляющие особую опасность для коллекционеров). Даже фальшивки, предназначавшиеся для ввода в обращение, наверное, поинтереснее этих серебряных новоделов.

В 1762 году в Санкт-Петербурге к коронации императрицы Екатерины II отчеканили монетовидные коронационные жетоны, как в золоте (в весе червонца), так и в серебре (в весе гривенника, илл. 43). Серебряный жетон имеет шнуровидный гурт, диаметр кружка около 19 мм, существенно больше, чем у гривенника, сплав, видимо, той же 72-й пробы: не было никакой мотивации, чтобы изобретать сплав особой пробы для чеканки из него жетонов, если уже был готовый сплав для чеканки общегосударственных монет. Поэтому, хотя не было обозначения достоинства (как и на червонцах), жетоны эти, по крайней мере в первые месяцы после коронации, низшие слои общества иногда использовали в качестве знаков оплаты при расчетах между частными лицами. По данным ЖРНО, подобные жетоны чеканили и в Москве, причем – с гуртовой надписью.

Представляю итоговую шкалу всех упомянутых мною здесь комплексов в их иерархической, ценностной соподчиненности:

I. Подлинные монеты массового выпуска, 1764–1796 годов.

II. Пробные монеты, 1763 года.

III. Таврические монеты, 1787 года.

IV. Новоделы монет общегосударственного выпуска, 1767–1796 годов.

V. Фантастические новоделы монет общегосударственного образца, 1764–1796 годов.

VI. Фальшивки для обращения, появившиеся при Екатерине II.

VII. Фантастические новоделы сибирских монет, 1764 годов.

VIII. Современные подделки, которые появляются начиная со второй половины XX столетия.

До сих пор ряд вопросов остается без ответа. Позволю себе привести их:

1. Почему ранние московские гривенники чеканили на более широких и более тонких кружках?

2. Почему на них нет обозначения монетного двора?

3. Есть ли гривенники 1765/4 (ММД) и 1767/4 СПб в вариантах не-передатировок?

4. Почему на гривенниках нет знака минцмейстера?

5. Почему на 15-копеечниках нет знака гравера?

6. Существует ли 15-копеечник 1781 года со ВСЕРОСС?

7. Есть ли монеты с наклоном шнуровидной насечки справа налево вверх?

8. Есть ли передатировки у 20- и 15-копеечников 1764–1767 годов?

«Век золотой Екатерины» традиционно вызывает у россиян несомненный интерес. Если прочитанное пробудит в ком-то желание заняться исследованием и серебряных монет Екатерины II, то моя цель, считаю, достигнута.

Владимир РЗАЕВ

Иллюстрации предоставлены автором.

Уважаемые читатели! В №12 (43) нашего журнала в статье Владимира Рзаева «Передатировки на российских монетах» были допущены ошибки:

1) на странице 130, в левой колонке в подписи к нижней иллюстрации вместо «1766/5» должно быть «1766/3»;

2) на странице 131, в левой колонке, вверху иллюстрация не соответствует действительности.

3) На странице 131, в правой колонке в подписи к верхней иллюстрации должно быть «...набившего цифру 7, но затем исправившего оплошность проставлением цифры 9 вместо 7»;

4) На странице 131, в правой колонке, внизу иллюстрация не соответствует действительности.

Автор приносит свои извинения и готов заинтересованным читателям предоставить изображения двух отсутствующих монет, подписи для которых опубликованы в статье.